

УДК 94(47)

**ДИСКУССИИ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ В СРЕДЕ
КАЗАНСКОЙ АДВОКАТУРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА***Д.М. Усманова, Н.В. Гильмутдинов***Аннотация**

В статье рассматривается значение вопросов профессиональной адвокатской этики в деятельности казанских адвокатов и Совета присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты. На примере дискуссий, происходивших внутри корпоративной организации и опубликованных в местной прессе, показано отношение казанских адвокатов к вопросу о границах личной свободы и профессиональных обязательствах, о допустимости вмешательства сословной корпорации в личную жизнь ее членов, о соотношении идей общественного служения, гражданского долга, профессиональных обязанностей и элементарной выгоды.

Ключевые слова: присяжные поверенные, профессиональная адвокатская этика, гражданский долг, «дело интендантов».

Формирование адвокатуры в Казанской губернии неразрывно связано с судебной реформой 1864 г., в соответствии с которой в стране был упразднен прежний архаичный сословный суд, были провозглашены гласность, устность и состязательность судебного процесса, учреждена независимая адвокатура с определенными, установленными в законном порядке правами и обязанностями. Страна была поделена на судебные округа. Одним из судебных центров стала Казань, где в 1870 г. были организованы Казанская судебная палата (КСП) и Казанский окружной суд.

В соответствии с судебным уставом адвокаты имели право создавать собственные органы самоуправления. Одними из первых подобные сословные корпорации – Советы присяжных поверенных – возникли в округах Московской и Санкт-Петербургской судебных палат (с 1866 г.). Однако сословно-профессиональная организация в среде казанских адвокатов появилась сравнительно поздно: вплоть до начала XX в. казанские адвокаты не имели собственного органа самоуправления. В первые годы незначительное количество адвокатов в округе Казанской судебной палаты (менее 10 человек) не давало им права настаивать на образовании подобного сословного учреждения. В 1874 г. был объявлен временный мораторий на создание сословных учреждений в стране, действовавший вплоть до начала XX в. Поэтому все усилия казанских адвокатов по самоорганизации долгие годы оставались безрезультатными. Только накануне первой русской революции в соответствии с Судебным Уставом от 20 ноября 1864 г. и во исполнение высочайше утвержденного постановления министра

юстиции от 10 ноября 1904 г. об образовании Советов присяжных поверенных при Казанской, Одесской и Саратовской судебных палатах казанским адвокатам было предоставлено подобное право.

Функции Совета были разнообразными и подразделялись на две основные категории: одна относилась к сфере самоуправления, другая – к области дисциплинарной власти Совета. Власть Совета распространялась не только на сугубо профессиональную деятельность, но и на действия адвокатов за пределами суда, которые могли бы нанести ущерб репутации адвокатского сословия в целом. «Не все то, что не запрещено законом и потому не влечет за собою кары, дозвоительно присяжному поверенному» – таково было решение Московского совета присяжных поверенных, означавшее, что профессиональная корпорация имеет право на выработку норм, ограничивающих свободу действия членов данной корпорации и вне сферы исполнения своих сугубо профессиональных обязанностей [1, с. 16]. Однако путь к этому решению был долгим.

Вопрос о профессиональной адвокатской этике принадлежит к числу «вечных» и «проклятых» вопросов адвокатуры [2]. В среде российских адвокатов он начинает обсуждаться уже в первые десятилетия существования сословия, но обсуждается наиболее широко и горячо, вызывая повышенный общественный интерес, с середины 80-х годов XIX в. Дискуссии, связанные с выработкой общепринятого профессионального кодекса, продолжались с переменным успехом вплоть до Февральской революции. В первые годы существования адвокатуры при незначительном числе членов и при большей их сплоченности традиции сословия могли усваиваться путем устной передачи, однако к концу XIX – началу XX в. это стало уже практически невозможным и возникла необходимость унификации и кодификации основных решений ведущих Советов.

В 1913 г. по инициативе Московского совета присяжных поверенных был издан сборник «Правил адвокатской профессии в России» [1], систематизировавший постановления Советов, которые касались вопросов профессиональной этики и практически всех возможных вариантов взаимоотношений членов корпорации, а также адвокатов со своими клиентами. Среди разделов сборника отметим «Занятия и действия, несовместные со званием присяжного поверенного» и «Недопустимые способы приобретения дел». Сборник явился продуктом самоопределения и выразил взгляды, установившиеся в среде сословия и сформулированные сословными органами. Российская адвокатура на момент составления сборника считалась еще молодой по европейским меркам, однако к началу XX в. явственно определился ее внутренний облик, взгляд на общественное служение, который родился, развился, вырос и окреп в среде самой адвокатуры «в силу присвоенных законом этому сословию независимости, самоуправления и самосохранения своего достоинства» [1, с. VII].

Согласно распространенному мнению, профессия присяжного поверенного не могла рассматриваться только как средство заработка. Закон, общество и сама корпорация рассматривали деятельность адвоката как подвиг высокого общественного служения. Этому мнению соответствовало решение Московского совета присяжных поверенных (1902–1903 гг.) о том, что «регулировать свою профессиональную деятельность одними только соображениями меркантильного характера ни один уважающий себя присяжный поверенный не будет» [1, с. 3].

В высказываниях отдельных адвокатов и в решениях Советов отражалась идеализация прав и обязанностей, присущая адвокатуře первых десятилетий ее функционирования. В то же время благие намерения и рассуждения о высоком предназначении входили в явное противоречие с действительностью, с практической беспринципностью и неразборчивостью многих адвокатов: эта коллизия требовала своего разрешения, но путь к нему был трудным.

Члены Казанского совета, как более молодого, в значительной степени опирались на прецеденты, созданные ранее столичной адвокатурой. В то же время в 1908–1909 гг. казанские адвокаты предприняли попытку самостоятельно выработать правила поведения, следование которым должно было помочь сословию избежать негативных явлений в своей среде. Если ранее проблема касалась в основном самих адвокатов как членов единой корпорации, то в конце 1909 – начале 1910 г. в силу ряда обстоятельств обсуждение вопросов профессиональной этики вышло за пределы сословия. Посредством газетных публикаций и массовых обсуждений дискуссия была перенесена в публичную сферу. Связано это с так называемым «делом интендантов», взбудоражившим в конце 1909 – начале 1910 г. казанскую общественность и ставшим переломным в публичном обсуждении вопроса о профессиональной этике.

«Делу интендантов» предшествовала серия анонимных заметок и фельетонов в газете «Волжский вестник» с намеками на злоупотребления в армии. Затем последовали официальные сенатские расследования. В ходе сенатской ревизии были выявлены массовые злоупотребления в деле обеспечения армии, что привело к привлечению к судебной ответственности большой группы интендантов (12 человек, поэтому дело называлось «Дело 12 интендантов»). Среди них были и казанские интенданты, а потому судебные слушания проходили в Казанском окружном суде. Группе интендантов были предъявлены обвинения в растрате, коррупции и взяточничестве («лихоимстве и вымогательстве»). Заключительная стадия судебного процесса состоялась в Казани в ноябре – декабре 1909 г. и закончилась осуждением 10 обвиняемых к трем годам тюремного заключения. Дело имело большой общественный резонанс, поскольку свидетельствовало о серьезной болезни всего государственного организма. В дни оглашения приговора у здания окружного суда публика была настолько многочисленной, что наряды полиции, призванной поддержать порядок и спокойствие, заняли всю Воскресенскую улицу от Кремля до здания суда. Местная пресса широко и подробно освещала процесс, публикуя как хронику судебных заседаний, так и речи адвокатов. Мнение общественности склонялось к безусловному осуждению подсудимых. Основной вопрос вызванной «делом интендантов» широкой общественной дискуссии об адвокатской этике был таков: насколько морально допустима добровольная защита людей, чья честь запятнана тяжкими обвинениями?

В первых номерах газеты «Камско-Волжская речь» за 1910 г. известные казанские адвокаты К.В. Лаврский, А.Н. Макаров и В.Ф. Баудер обменялись целой серией статей, в которых полемизировали друг с другом по вопросу о границах допустимого и морального в адвокатской профессии (КВ, № 359, 361, 362, 363, 366). Начало дискуссии было положено публикациями К.В. Лаврского, осуждавшего защитников интендантов с морально-этических позиций и выносившего им порицание. Ему возражал один из официальных участников процесса,

адвокат В.Ф. Баудер, полагавший позицию своего оппонента не только резкой по форме, но и сомнительной по существу. Основные положения В.Ф. Баудера сводились к следующим пунктам: в уголовном деле каждый имеет право на защиту; профессиональный долг адвоката – не отказывать в юридической помощи в том случае, если к нему за ней обращаются; уголовная защита является институтом публичного, а не частного права, поэтому она служит интересам всего общества. Наконец, предосудительным может быть не то, кого защищает адвокат, а то, как он это делает. Защищая подсудимого, даже заведомо виновного, адвокат должен не столько его «обелить», сколько в интересах общества оградить его от излишеств возмездия (КВ, № 362). Другой участник процесса, адвокат А.Н. Макаров, полагал, что публикации К.В. Лаврского наносят адвокату сословию вред, так как автор стремился «забрызгать грязью» официальных защитников интендантов и очернить их в глазах широкой общественности.

Вскоре дискуссия вышла за пределы газетной полемики: 7 февраля 1910 г. состоялось необычайно многолюдное заседание Казанского юридического общества (КЮО), на котором присутствовало более 600 человек. Адвокатом С.А. Ушаковым был прочитан доклад на тему «К вопросу об адвокатской этике» (КВ, № 389). В нем оратор, фактически солидаризуясь с позицией В.Ф. Баудера, отстаивал право на защиту в уголовных делах вне зависимости от степени вины обвиняемого, а также право и обязанность присяжных поверенных оказывать подобную юридическую помощь, даже если вина обвиняемых общепризнана и неоспорима в глазах общественности. По мнению референта, роль защиты – не в установлении истины, а в том, чтобы собрать все материалы в пользу подсудимого. Определение же правды – результат судебного решения. Но главное – общественное мнение не должно влиять на адвоката, на добросовестное выполнение им своих профессиональных обязанностей. Докладчик полагал, что шумиха вокруг дела – результат неразвитости правосознания российского общества. Следует отметить, что некоторые пренебрежительные высказывания докладчика в адрес общественности вызвали явное недовольство публики, шиканье и свист. Несмотря на красоту и видимую убедительность речи С.А. Ушакова, публика была отнюдь не на его стороне, так как видела в действиях защитников интендантов скорее корысть, нежели чувство долга. Об этом свидетельствуют и многочисленные фельетоны, в которых аргументы, честность и пафос С.А. Ушакова, В.Ф. Баудера и прочих адвокатов подвергались сомнению (КВ, № 394).

Дискуссия, в которой приняли участие известные казанские адвокаты (А.Г. Бать, Я.И. Горнштейн, К.К. Арсеньев и др.), затронула ряд вопросов, связанных с «адвокатской этикой» (КВ, № 389, 390, 391, 423), в том числе – соотношение в адвокатской деятельности гражданского и профессионального долга, влияние общественного мнения на позицию присяжного поверенного. Полемицировавший с докладчиком К.В. Лаврский начал свою речь следующими словами: «Я имею честь принадлежать к корпорации присяжных поверенных. Если бы г. Ушаков убедил меня в правильности своего взгляда на обязанности адвоката – мне пришлось бы сказать: “я имею несчастье принадлежать к сословию адвокатов”» [3, с. 358–359].

По мнению К.В. Лаврского, адвокат вправе игнорировать мнение общественности лишь тогда, когда речь идет о защите невинного, но в деле защиты явного преступника дело обстоит иначе, поскольку адвокат не просто и не только защитник, но в первую очередь гражданин. Адвокат может защищать заведомо виновного в уголовном преступлении только в том случае, если он назначен защитником судом или адвокатской корпорацией, но отнюдь не в виде добровольного соглашения. К.В. Лаврский полагал, что обязанности адвоката как гражданина, несомненно, выше его профессионального долга, а потому он должен прислушиваться к мнению общественности. Позиция и аргументы бывшего депутата были вполне созвучны его убеждениям, проявленным в период работы первого парламента. Но это была не просто позиция одного лишь К.В. Лаврского – таковы были убеждения достаточно большого числа адвокатов-«шестидесятников», полагавших, что присяжный поверенный в первую очередь является народным защитником, призванным отстаивать интересы бедных и обездоленных, несправедливо обижаемых и гонимых, но отнюдь не казнокрадов и мздоимцев, и что морально-этический аспект должен превалировать над расчетом и выгодой.

Примечательно, что сословие адвокатов, созданное Судебной реформой 1864 г., старалось всячески отмежеваться от дореформенных ходатаев и стряпчих с их негативной репутацией дельцов и беспринципных делег. Более того, по мнению ряда ведущих юристов, «только признание адвокатов уполномоченными представителями общества, а не наемными пособниками частных лиц, дает адвокату праву на существование, и только с этой точки зрения может быть доказана её необходимость» [4, с. 45]. Впрочем, как показало «дело интендантов», на рубеже XIX – XX вв. за адвокатами снова прочно закрепилась репутация беспринципных делег, готовых ради солидного гонорара «обелить» любого мерзавца. В этом смысле показателен сатирический фельетон в газете «Камско-Волжская речь», в котором высмеивался адвокат, держащий в руках портфель с «делом 12 интендантов». На плече у адвоката помазок, а в руках – ведро с белилами для «обеления» состоятельных клиентов (КВ, № 361).

К сожалению, дебаты в рамках КЮО были отложены до следующего заседания юридического общества, но в силу ряда причин возобновлены не были. В конце февраля вопрос об адвокатской этике обсуждался и в Совете присяжных поверенных. Однако, в отличие от заседаний юридического общества, профессиональное собрание казанских адвокатов происходило при закрытых для публики и прессы дверях (КВ, № 400).

Дискуссия, развернувшаяся в среде казанских адвокатов, весьма показательна для периода первой русской революции, когда на собраниях и на страницах периодических изданий было много рассуждений о гражданском долге и служении обществу. Однако никаких организационных выводов и решений со стороны корпоративного органа, способного кардинально улучшить ситуацию внутри профессионального сообщества, а главное – спасти репутацию адвокатов в глазах широкой общественности, не последовало.

«Дело интендантов» имело продолжение. Например, в начале 1910 г. адвокат С.А. Ушаков был отстранен от почетной должности председателя третейского

суда¹, куда был избран незадолго до начала процесса над интендантами. Однако участие его в качестве защитника привело к репутационным потерям и лишению доверия со стороны коллег: последние посчитали защиту взяточников несовместимой с почетным званием председателя третейского суда (КВ, № 366).

Через некоторое время адвокат был осужден и одним из бывших подзащитных. В ноябре 1912 г. один из осужденных «по делу интендантов», интендантский чиновник К.М. Чижов, на страницах газеты «Казанский телеграф» обвинил присяжных поверенных С.А. Ушакова и А.Г. Батя в алчности и аморальности. «Не буду входить в рассуждение о том, подлежат ли обвиненные интенданты защите вообще и страдает ли от защиты их адвокатская этика, так как будучи сам таковым интендантом, конечно, держусь того мнения, что какой бы ни был категории обвиняемый, – он имеет право на защиту. Но когда адвокат в одном деле выступает противником интендантов, громит и обвиняет их во взяточничестве, в другом – выступает уже в качестве их же защитников и за солидный гонорар изменяет на них взгляд свой, – вот тут-то, мне кажется, этика начинает хромать», – писал К.М. Чижов (КТ, № 5852). Более того, бывший интендант полагал, что упомянутые адвокаты не только действовали беспринципно, прельстившись солидными гонорарами, но и безнравственно, так как фактически инициировали громкое расследование в надежде, что будущие процессы обеспечат их постоянной работой. В частности, К.М. Чижов намекал на то, что сотрудничавший с газетой «Волжский вестник» адвокат С.А. Ушаков печатал на ее страницах анонимные заметки, допуская утечку конфиденциальной информации в корыстных целях.

Обвиненные адвокаты попытались оправдаться, поместив на страницах газет «Казанский телеграф» (КТ, № 5856) и «Камско-Волжская речь» (КВ2) письма-опровержения. Однако от дальнейшей открытой дискуссии по этому вопросу они отказались, передав свои разъяснения в Совет присяжных поверенных. Впрочем, это решение вызвало новый всплеск недовольства части общественности, настаивавшей на передаче дела не в сословную корпорацию, к которой «не было доверия», а на рассмотрение третейского суда (КТ, № 5860). Впрочем, в отличие от 1910 г., продолжения эта газетная полемика не имела. «Дело интендантов» и вопрос о нарушениях «адвокатской этики» при выборе подзащитного уже не вызывали прежнего интереса у широкой публики.

Последующее обращение Казанского совета к проблеме было связано с вопросом о совместительстве, то есть о праве адвокатов на занятие иными (помимо адвокатской) видами деятельности, такими как торговля, предпринимательство, издательское дело. Следует отметить, что законодательство того времени не давало полного перечня запретов на занятие адвокатами подобного рода профессиями. Однако по прецеденту был обозначен ряд профессий, которые подрывали доверие клиентов к адвокатам или ставили под сомнение их независимость, а также отнимали много времени, то есть были признаны несовместимыми с адвокатурой. Ввиду необходимости охранения достоинства сословия Казанским

¹ Речь шла о рассмотрении одного конфликта в так называемом «Трудовом союзе», для чего и был создан третейский суд во главе с адвокатом С.А. Ушаковым.

советом присяжных поверенных в 1915 г. было принято решение о том, что его члены не могут пользоваться полной свободой в выборе занятий, не входящих в круг адвокатской деятельности (ОЗ, л. 28). То есть избрание профессии по совместительству, порочащей адвоката или же недостойной высокого звания адвоката, не просто не поощрялось, но и напрямую запрещалось (ПА, л. 15).

Помимо выработки правил профессиональной этики, членам адвокатской корпорации приходилось заниматься вопросами общей этики и морали присяжного поверенного, то есть разработкой кодекса поведения адвоката вне службы. Примером может служить обсуждение в среде адвокатов таких «аморальных» поступков членов корпорации, как порочные увлечения, несовместимые с адвокатской репутацией, к числу которых относились все виды азартных игр.

Вопрос этот решался не только в среде казанских адвокатов. Еще в конце XIX в. он был обозначен в среде столичной адвокатуры: в 1894 г. одно из заседаний общего собрания членов Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных было посвящено вопросу о запрещении адвокатам участвовать в карточных играх. После продолжительной и бурной дискуссии большинство членов собрания пришло к мнению, что публичное обсуждение этого вопроса неприемлемо и столь же лицемерно, как обсуждение вопроса об «употреблении спиртных напитков или ухаживание за женщинами», то есть возоблагодало мнение о том, что Совет как сословная корпорация не должен вмешиваться в частную жизнь адвокатов. Однако уже в начале XX в. случаев, когда увлечение азартными играми приводило к растратам и не только калечило судьбы отдельных людей, но и наносило непоправимый вред репутации всей корпорации, становилось все больше. В этой связи вновь был поставлен вопрос о необходимости вмешательства сословной корпорации в эту сферу с тем, чтобы защитить репутацию всей адвокатской корпорации.

Через 15 лет после первого обращения к этому вопросу, 1 марта 1909 г., общее собрание столичного Совета присяжных поверенных вновь вернулось к рассмотрению вопроса об «аморальных» деяниях адвокатов. На этот раз Совет постановил, что за азартную игру в клубах и общественных местах корпорация имеет право подвергать своих членов ответственности в дисциплинарном порядке вплоть до исключения из сословия [5, с. 184]. Таким образом, возникшая между интересами сословия и индивидуальными правами и свободами адвокатов коллизия была разрешена в пользу Совета. Тогда же было признано, что корпорация имеет право издавать правила поведения адвокатов с определенными ограничениями.

Проблема не оставила равнодушными и казанских адвокатов, которые, подобно своим столичным коллегам, неоднократно обращались к ее обсуждению. Наиболее развернутая и острая дискуссия была инициирована весной 1915 г. адвокатом В.С. Токаревым, от имени которого в Совет присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты поступило заявление следующего содержания: «В последнее время по городу циркулируют усиленные слухи о крупной азартной карточной игре, в которой принимают участие члены адвокатской корпорации. Так как адвокату по роду своей профессии приходится иметь дело с чужими деньгами и так как в адвокатской среде неоднократно уже бывали случаи, что азартные игры доводили членов корпорации до растрат и даже до скамьи

подсудимых, то для ограждения адвокатского сословия от возможности подобных случаев имею честь просить Совет вынести принципиальное разъяснение по вопросу о воспрещении адвокатам участия в азартной карточной игре, как это уже и сделал Петроградский Совет» (ОЗ, л. 18).

Коллегами по цеху заявление В.С. Токарева было воспринято неоднозначно. В мае 1915 г. адвокаты М. Бухов, А. Нехотяев и М. Вольский выразили свое мнение по этому вопросу: «В кругу товарищей циркулируют слухи, в Совет подано заявление о воспрещении членам сословия играть в азартные игры. Находя это заявление чрезвычайно важным ввиду намерения автора установить таким путем опеку над частной жизнью членов сословия, мы позволяем себе просить Совет принять к рассмотрению в связи с этим вопросом и наши соображения» (ОЗ, л. 19). Авторы записки признавали, что азартная игра действительно недостойна поведения присяжного поверенного. Во-первых, писали они, у окружающих могло возникнуть предположение, что адвокат играет на клиентские деньги и рискует их проиграть. И тому было немало примеров. Во-вторых, могли возникнуть подозрения, что член адвокатской корпорации стремится к обогащению за чужой счет путем легкой наживы. Наконец, пристрастие к азартным играм лишало адвоката необходимого доверия со стороны окружающих, которые могли усомниться в добросовестности выполнения им своих профессиональных обязанностей, раз адвокат «часы напролет» проводит за карточным столом. В то же время авторы альтернативной записки были против вмешательства Совета в личную жизнь членов сословия, «поскольку это несет за собой опеку над взрослыми людьми, знающими свою ответственность за незаконные действия и ценящими свою личную профессиональную репутацию» (ОЗ, л. 19).

Противники запретов недоумевали, почему коллеги должны вмешиваться в область личной жизни, лежащую вне сферы профессиональной деятельности адвоката. Рассуждая на тему, чем по сути является азартная игра, оппоненты тактики запретов и вмешательства указывали на происхождение термина «азартная игра» (“hazard” – случай). В соответствии с этимологией слова, исход игры зависел не столько от знания, сколько от случая. И если так называемые «коммерческие игры» (биржевая торговля) требуют некоторого расчета и знаний, то в азартных играх главную роль играет исключительно случай. Центр тяжести вопроса, по мнению одного из авторов записки М. Бухова, находится не в признании «случайности» азартных игр, а в размерах выигрыша или проигрыша. Поэтому не стоит говорить о запрещении азартных игр вообще. Подозрения со стороны окружающих, что адвокат играет на чужие деньги, проистекают не из того факта, что он в принципе играет в азартные игры, а потому, что его игра может выйти за пределы личного бюджета и отразиться на судьбе вверенных ему чужих денег. По мнению авторов записки, Совету надлежало быть последовательным и либо запретить членам корпорации карточные игры вообще, либо не вмешиваться в частные дела адвокатов. В конце своей обширной записки авторы утверждали, что запрещение азартных игр унижает честь и достоинство членов сословия больше, чем сама игра. Совет должен оставить за собой право ограничивать лишь действия, роняющие честь и достоинство адвоката, но не следует регламентировать каждый шаг, каждое действие члена сословия в сфере его личной жизни. Ввиду принципиальной важности данного вопроса

авторы записки просили Совет до разрешения его по существу выслушать мнение всех членов Совета во всех центрах округа КСП (ОЗ, л. 28). Схожее мнение сформулировали и присяжные поверенные Н.И. Миролубов и Т.В. Дагаев, утверждавшие, что «Совету принадлежит право в некоторых случаях устанавливать правила поведения членов сословия. Но это положение не может быть проводимо во всех случаях. <...> Вопрос этот чрезвычайно важен. Он проникает в сферу личной интимной жизни членов сословия, а потому установление какого-либо правила должно исходить от всех членов Совета» (ОЗ, л. 22–26).

Не менее влиятельные в среде казанских адвокатов В.В. Виноградов и В.Н. Иванов также выступили с резкой критикой идеи запрета азартных игр: «Мы считаем, что этот вопрос имеет громадное принципиальное значение, ибо здесь имеется посягательство на частную жизнь членов сословия. Сегодня одному товарищу придет в голову мысль просить Совет запретить играть в карты, другому любителю нравственности вздумается говорить о том, чтобы члены сословия не сожительствовали с женщинами вне законного брака, соблюдали посты» (ОЗ, л. 22).

Наконец, следует привести и обширное заключение по этому вопросу, сделанное председателем казанского Совета присяжных поверенных И.И. Степановым: «В играх выигравший обогащается без затрат, проигравший беднеет. Здесь один наживает бед, другой обогащается не на обмене ценностей, а благодаря случаю». Но главным был не только вопрос о допустимости подобных игр для членов адвокатуры, но и о том, входит ли он в сферу компетенции и надзора сословного дисциплинарного суда. Споры нет, писал И.И. Степанов, «что азарт рождает страсть, что страсть плохо подчиняется рассудку и что поэтому нередко ставка на карту оказывается одновременно и ставкою на честь играющего. Но нельзя отрицать и того, что Совет – не опекуновское установление, а присяжные поверенные – не малые дети» (ОЗ, л. 28).

В основе азартной игры содержатся элементы, нарушающие требования элементарной морали, так как сущность всякой игры сводится к обогащению за счет другого, что приводит к обладанию чужим имуществом без законных на то оснований. Допустимо ли это с точки зрения морали? Ответ председателя Казанского совета был резко отрицательным: «Честный человек должен быть разборчив в способах и средствах наживы. Если мы не сомневаемся в недопустимости для членов адвокатуры обыкновенных торговых спекуляций, то тем менее мы имеем основания относиться безразлично к спекуляциям, направленным к наживе без труда, к обогащению без затрат и к эксплуатации несчастливого ближнего. Цель азартной игры явно аморальна, азартная игра не моральна и как способ приобретения. <...> Для человека труда, каковым должен быть адвокат, источником обогащения может быть только труд и притом только честный, по совести оцененный. Человек алчный к наживе, до готовности спекулировать на всякой случайности, до готовности обездолжить и разорить ближнего и на несчастье последнего построить свое благополучие, не достоин звания честного человека, а следовательно и звания адвоката, т. к. адвокат не мыслится без чести» (ОЗ, л. 33). Из всего сказанного председатель Казанского совета делал вывод, что азартная игра должна быть воспрещена всем членам присяжной адвокатуры как деяние и незаконное, и безнравственное.

Очевидно, что мнение большинства членов Совета по вопросу о допустимости для адвокатов увлечения азартными играми более всего склонялось к осуждению данного явления как порочащего достоинство и честь адвоката. В то же время по вопросу о том, следует ли корпоративному органу вмешиваться в эту, казалось бы, далекую от профессиональных обязанностей адвокатов сферу, единого мнения не было. Позиции расходились кардинально. Одни адвокаты полагали, что Совет как сословное корпоративное учреждение имеет подобное право. Другие же рассматривали контроль такого рода как грубое вмешательство профессионального сообщества в частную жизнь, в интимную сферу, что было недопустимо. Тем не менее вслед за своими столичными коллегами большинство членов Казанского совета присяжных поверенных высказались за запрет казанским адвокатам участвовать в азартных играх, тем более в играх с привлечением денежных средств (ОЗ, л. 34).

Итак, члены казанского Совета присяжных поверенных активно боролись с негативными проявлениями в своей среде, порой вторгаясь в пределы личной жизни рядового адвоката. Выступая в роли морального авторитета, адвокат, по распространенному среди современников мнению, не мог и за пределами суда жить не по правилам высокой нравственности и морали. Признание того факта, что присяжный поверенный обязан уважать закон, защита которого является его долгом, требовало соблюдать все ограничения без исключения. Осознание же себя членами единой корпорации побуждало адвокатов к применению самых жестких мер нравственного ограничения. Таким образом, корпоративное сознание и своеобразно понятое чувство морально-нравственного долга перевешивало опасения, что сословное учреждение будет вторгаться в сферу интимной жизни, а запрет нанесет ущерб индивидуальным интересам адвоката.

Summary

D.M. Usmanova, N.V. Gilmutdinov. Discussions on Professional Ethics within Kazan Advocates Community.

The article examines the problems of professional ethics in the activities of Kazan advocates and the Council of Barristers in the circuit of the Kazan Trial Chamber. On the example of the discussions that took place within the corporate organization and were published in the local press we show the attitude of Kazan advocates to the problems of the boundaries of personal freedom, professional duties, admissibility of corporation's interference in the private lives of its members, and the correlation between the ideas of social service, civic duty, professional obligations, and elementary interests.

Key words: history, barristers, advocate's professional ethics, civic duty, "quartermasters' case".

Источники

КВ – Камско-Волжская речь. – 1910. – № 359–423.

КТ – Казанский телеграф. – 1912.

КВ2 – Камско-Волжская речь. – 1912. – № 247.

ОЗ – О зачислении В.С. Токарева в помощники присяжного поверенного С.С. Венецианова // НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 51. Оп. 1. Д. 13.

ПА – По вопросу о посторонних адвокатуре занятиях: Б. Лапкина, А.П. Грачева, Б.Я. Каплана, Л.М. Радбиль, Д.А. Исакович, С.А. Шлюппер и В.Э. Тицнер // НА РТ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 298.

Литература

1. Правила адвокатской профессии в России: Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / Сост.: А.Н. Марков, член Совета присяжного поверенного округа Московской судебной палаты. – М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1913. – 440 с.
2. Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / Сост. Елисеев И.В., Панкратов Р.Ю., предисл. Тарло Е.Г. – М.: Юрид. центр пресс, 2004. – 368 с.
3. *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 496 с.
4. *Васьковский Е.В.* Организация адвокатуры: историко-догматическое исследование. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1893. – Ч. 2: Исследование принципов организации адвокатуры. – 213 с.
5. История русской адвокатуры. Сословная организация адвокатуры 1864–1914 гг. / Под ред. М.Н. Гернет. – М.: Изд. Советов присяж. повер., 1916. – Т. 2. – 453 с.

Поступила в редакцию
28.12.11

Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: dusmanova2000@mail.ru

Гильмутдинов Нурислам Валимахметович – аспирант кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: nvg2009@mail.ru